АКАДЕМИЯ НАУК СССР ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1981

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях

В культуре саяно-алтайских тюрков и енисейских кыргызов можно выделить ряд общих элементов. Это — памятники рунической письменности, по праву названной орхоно-енисейской; многие черты социальной организации и терминологии; обряд трупосожжения, бытовавший у правящей тюркской династии Ашина приблизительно до 630 г., а у енисейских кыргызов на всем протяжении существования их культуры; обычай сооружения тайников при погребениях и близкие формы предметов сопроводительного инвентаря (серебряных сосудов, поясных наборов, предметов вооружения и конского убранства); использование изображений различных животных в погребальном ритуале: в Центральной Азии — в основном каменных изваяний львов, стоящих у поминальных комплексов тюркских каганов, в Южной Сибири, Енисее — преимущественно изображений баранов. щихся как в виде наземной скульптуры, так и среди предметов мелкой пластики непосредственно в погребениях. Однако в Минусинской котловине известны и два каменных изваяния в виде львов, близкие к древнетюркским 1. Обряд трупосожжения и изготовление погребальной скульптуры уже рассматривались Л. Р. Кызласовым как результат участия южного компонента в сложении таштыкской культуры, давшей начало енисейских кыргызов ².

Приведенные параллели достаточно многочисленны и вряд ли могут объясняться только культурными заимствованиями между древними тюрками и енисейскими кыргызами в период существования созданных ими государственных объединений в середине

¹ М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. — МЭ. Т. З. Вып. 2. 1927, с. 85.

² Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Мину-

синской котловины. М., 1960, с. 161-166.

I тысячелетия н. э. Можно предполагать также и наличие общей основы субстратного характера, к которой восходят многие элементы тюрко-кыргызского комплекса. К сожалению, археологические материалы, относящиеся к первым векам нашей эры, т. е. синхронные таштыкской культуре Минусинской котловины, пока остаются в Центральной Азии недостаточно изученными. В этих условиях особое значение приобретают памятники изобразительного искусства, более доступные с точки зрения визуального наблюдения, в частности антропоморфные изваяния, изготовление которых имеет у народов Центральной Азии и Южной Сибири очень глубокие традиции («оленные камни», таштыкские стелы, древнетюркские изваяния).

«ОЛЕННЫЕ КАМНИ»

До недавнего времени считалось, что «оленные камни», одни из наиболее ярких мегалитических памятников Центральной Азии скифского времени, изображают человеческую фигуру, но лишенную конкретных признаков антропоморфности ³. На их поверхности в определенном порядке наносился устойчивый комплекс изображений: опоясывающие линии наверху (ожерелье) и внизу (пояс с подвешенными к нему предметами вооружения); пространство между поясом и ожерельем заполнялось чаще всего изображениями оленей, различным образом стилизованных (отсюда и название — «оленные камни»), но встречаются и рисунки других животных — лошадей, кабанов, козлов, верблюдов, реже собак и птиц. Выше ожерелья на боковых сторонах находятся кольца-серьги, а на лицевой стороне — три (реже две) наклонные параллельные линии — символическое изображение лица. Однако уже в ранее опубликованных материалах, посвященных «оленным камням» в Монголии 4, Забайкалье 5 и на Алтае 6, может быть выделена серия изваяний с подлинным изображением

³ Н. Л. Членова. Оболенных камнях Монголии и Сибири. — Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 30—34; Д. Г. Савинов. О культурной принадлежности Северокавказских камней-обелисков. — Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 125—128.

⁴ К. В. В ятки на. Археологические памятники в Монгольской Народной Республике. — СЭ. 1959, № 1, рис. 11, а; Н. Сэр - Оджав. Монголые тэв умарт хэсгийн археологийн талаар судлан шинжилсэн нь. — «Studia archeologica». 4. Fasc. 7. Улаанбаатар, 1966, с. 6; J. G. G rän o. Archeologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. — JSFOu. 1912, Taf. 12, fig. 3.

⁵ Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ. 1958, табл. XV, 4.

Г. Н. Потанин. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. — Древности. Т. 10. М., 1885, с. 53 (Иллюстрации см.: Древности. Т. 11. Вып. 2. М., 1886, рис. 12—14).

человеческого лица, т. е. в полном смысле слова антропоморфных (см. рис. 1, 2, 4, 5, 7). На одном из «оленных камней» Тувы (Самагалтай) показаны даже руки (рис. 1, 9) 7. Значительное количество антропоморфных «оленных камней» было открыто в последние годы Советско-Монгольской историко-культурной экспедицией 8. Среди них лучшее изображение — в комплексе «оленных камней» из Ушкийн-Увэра (рис. 1, 4) 9.

В этой связи, по-видимому, следует обратить внимание на различного рода обработанные стелы, в частности так называемые «плиты с нависанием», которым намеренно придавались очертания человеческой фигуры. Они известны в Туве 10, Монголии 11 и в Минусинской котловине (рис. 1, 8) 12. Значение выступа в верхней части этих камней стало понятным благодаря находке «оленного камня» из Аргын-бригады (Северная Монголия), где в этом месте нанесено изображение человеческого лица (рис. 1, 2) 13. Вполне возможно, что в Минусинской котловине, где настоящих «оленных камней» не найдено и где, судя по степени изученности этой территории, они вряд ли будут обнаружены, их заменяли именно такие примитивные воспроизведения человеческой фигуры. Памятники подобного рода значительно расширяют ареал распространения антропоморфной скульптуры на севере Центральной Азии в I тысячелетии до н. э.

По условиям своего местонахождения «оленные камни» связаны с различными видами сооружений — оградками и выкладками, курганами и хэрексурами, плиточными могилами; встречаются и отдельно стоящие камни. Расположение их относительно оградок различно: чаще всего они помещаются внутри них, но зафиксированы и случаи, когда «оленный камень» находится

[?] Это пзваяние публиковалось неоднократно. См.: М. П. Грязнов. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. — КСИА. № 154. М., 1978, рис. 4.

⁸ См. сообщения о работах Советско-Монгольской историко-культур-

ной экспедиции в «Археологических открытиях» начиная с 1969 г.

⁹ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия). — Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 78— 84, рис. 3.

¹⁰ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. — КСИИМК. Вып. 26. 1949, рис. 12, 5.

¹¹ J. G. Gräno. Archeologische Beobachtungen, Taf. 12, fig. 2.

¹² H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 240.
13 Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородова. Заметки о знаках

¹³ Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородова. Заметки о знаках и тамгах Монголии. — История и культура народов Средней Азии. М., 1976, рис. 4. «Оленные камни» типа Аргын-бригады по общему оформлению удивительно напоминают некоторые изваяния окуневской культуры (см.: Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967, рис. 18). Можно предполагать, что традиция изготовления стел с «нависанием» существовала в Южной Сибири весьма длительное время.

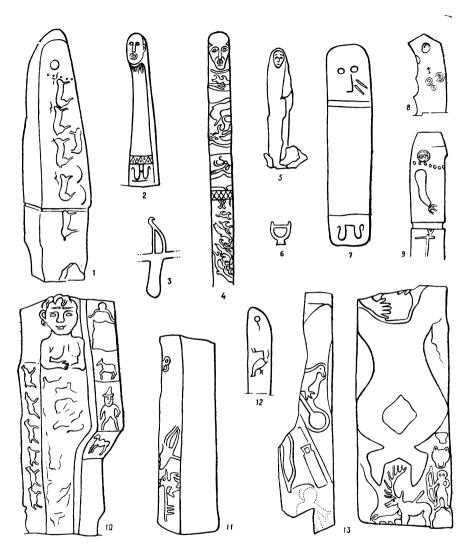

Рис. 1. 1-9, 12 — «оленные камни»; 10, 11, 13 — таштыкские стелы:

1 — Аржан, Уюк (по X. Аппельгрену-Кивало), 2 — Агрын-бригада (по Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородовой), 3 — Кокорю (рис. автора), 4 — Ушкийн-Увер (по В. В. Волкову, Э. А. Новгородовой), 5 — камень на Чуйском тракте (по Г. Н. Потанину), 6 — Саглы (рис. автора), 7 — Хубсугол (по Н. Сар-Олжаву), 8 — Усть-Есь (по X. Аппельгрену-Кивало), 9 — Самагалтай (по М. П. Грязнову), 10 — Улу-Кыс-таш (по Г. И. Спасскому), 11 — Кижи-таш (по И. К. Аспелину), 12 — Западный Алтай (по А. В. Адрианову), 13 — р. Нени (по Л. Р. Кызласову); 1, 6, 9 — Тува; 2, 4, 7 — Монголия; 3, 5, 12 — Алтай; 8, 10, 11, 13 — Минусинская котловина

с внешней стороны оградки (или плиточной могилы) — так позднее устанавливались древнетюркские каменные изваяния 14. Иногда перед оградкой, в которой помещается «оленный камень», вкапывался каменный столбик типа древнетюркского балбала 15. Особый интерес вызывают сложные комплексы, включающие большое количество (до десяти и более) «оленных камней», расв определенном порядке и явно отражающих какую-то закономерность в проведении связанного с ними ритуала. Судя по опубликованным материалам, они представляли собой или сплошные вымостки (возможно, слившиеся ограды), на поверхности которых в направлении ЮЗ-СВ были установлены «оленные камни»; или серию отдельных небольших округлых выкладок, расположенных рядами в направлении ЮВ-СЗ, каждая из которых сопровождалась «оленным камнем» 16. Впрочем, возможны и другие варианты, пока — до раскопок — неизвестные. В Монголии, например, на р. Каттык был исследован сложный комплекс, состоящий из «каменных выкладок, мощеных дорожек, круглых жертвенников и прямо стоящих камней». Посередине всего сооружения находился основной жертвенник, вписанный в прямоугольную ограду, на стенках которой помимо обычных «оленных мотивов» были нанесены сюжеты солярного культа (изображение солнца с бараньими рогами и др.) 17. Во всех случаях, когда это удается определить, узкие грани «оленных камней», на которых находятся наклонные параллельные линии или изображение лица, обращены преимущественно на восток.

Вопрос о назначении «оленных камней» пока остается открытым, так как сопровождающие их сооружения почти никогда не раскапывались. Известно, что под Иволгинским камнем в Забайкалье был найден скелет лошади без черепа 18, а при раскопках сложного комплекса, включающего более тридцати «оленных камней», на р. Юстыд (Горный Алтай) в расположенных около них кольцевых выкладках были обнаружены следы кострищ и остатки кальцинированных костей ¹⁹. По этим немногочисленным данным

¹⁴ H. Heikel. Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1892, Taf. 65.

¹⁹ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии. Т. 1. СПб., 1892, табл. V; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья, табл. XVI, 1—3.

16 А. Позднеев. Монголии и монголы. Т. 1. СПб., 1896, с. 217—235; Ј. G. Gräno. Archeologische Beobachtungen, Таб. 9, 10, 17 и. а.; В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Оленные камни, рис. 1; Л. Р. Кызласов. К изучению оленных камней и менгиров. — КСИА. Вып. 154. 1978, рис. 1.

¹⁷ Б. Петри. Древности оз. Косогол (Монголия). Иркутск. 1926,

с. 25—27.

18 А. П. Окладников. Оленный камень с реки Иволги. — СА.

¹⁹ В. Д. Кубарев. Первые работы в долине р. Юстыд. — AO-1976. 1977, c. 211.

можно предполагать культовое значение «оленных камней» как поминальных памятников, связанных с различного рода местами для жертвоприношений.

ТАШТЫКСКИЕ СТЕЛЫ

Среди знаменитой галереи минусинских каменных изваяний известно два, которые отличаются от всех остальных формой, композицией нанесенных на них изображений и техникой исполнения. Это Кижи-таш (рис. 1, 11) и Улу-Кыс-таш (рис. 1, 10). открытые в 1772 г. П. С. Палласом в Могильной степи около с. Аскыз, позднее зарисованные Г. И. Спасским и И. Аспелином и впоследствии неоднократно опубликованные ²⁰. К тому кругу памятников, как уже определено исследователями, относится каменная плита с р. Нени, найденная, по данным Л. Р. Кызласова, в пещере и сейчас хранящаяся в Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова (рис. 1, 13) 21. Аскызские стелы в настоящее время не сохранились, и по поводу достоверности рисунков И. Аспелина и Г. И. Спасского в литературе имеется несколько точек зрения, которые по степени категоричности высказанных суждений можно представить следующим образом. Л. А. Евтюхова считала, что по ним вообще «нельзя разобрать ни деталей, ни техники, которой эти изображения сделаны» 22. Я. А. Шер определяет их как «весьма неясные и не очень достоверные рисунки» ²⁸. Л. Р. Кызласов называет их просто «несовершенными» ²⁴. М. П. Грязнов пишет, что эти памятники известны «по несколько фантастичным зарисовкам Спасского и Аспелина», однако очень точно отметил, что «по технике изображения Кижиташ и Улу-Кыс-таш напоминают так называемые "оленные камни" Забайкалья и Монголии, но там углублен рисунок, фоном которому служит гладкая возвышенная поверхность камня, в то время как на наших изваяниях, наоборот, рисунок возвышается на фоне углубленной поверхности камня» 25. Н. Л. Членова, признавая изображения минусинских изваяний «неточными», счи-

²⁰ Г. И. Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. — ЗРГО. Т. 12. 1857, табл. I, рис. 4, 5; М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния, табл. VII, рис. 67, 68; М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. — СА. 1950, № 12,

рис. 15, 16. ²¹ Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния с изображением

людей. — КСИИМК. Вып. 60, рис. 59, с. 142—143.

22 Л. А. Евтю хова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА. № 24, 1952, с. 96.

Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, с. 59.
 Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, с. 159.
 М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы, с. 145—148.

тает, что «все же по рисункам можно составить о них какое-то представление», и, в частности, отмечает изображение лука в налучье и фигуры животных, «высеченные не параллельно, а перпендикулярно к земле, что встречается на оленных камнях» ²⁶. В то же время многие авторы уверенно говорили о минусинских стелах с изображениями людей как о ранней форме изваяний тюркского типа. Действительно, рисунки И. Аспелина и особенно Г. И. Спасского далеки от совершенства. Тем не менее как общая композиция, так и ряд изображений на них читаются достаточно четко и находят себе аналогии в других памятниках изобразительного искусства Центральной Азии и Южной Сибири. Критерием достоверности в данном случае может служить стела с р. Нени, подлинность которой ни у кого из исследователей сомнения не вызывает.

Антропоморфный облик многих «оленных камней» позволяет по-новому взглянуть на их отношение к минусинским стелам. В том и в другом случае изображение человеческого лица (или фигуры) помещается в верхней части нерасчлененного каменного блока. На Улу-Кыс-таш оно повторяется дважды на смежных сторонах, так же как, например, на «оленном камне» с Чуйского тракта на Алтае ²⁷. На одной боковой грани этой стелы изображена цепочка идущих друг за другом в вертикальном направлении верблюдов (возможно, среди них есть и лошади) - композиция, аналогичная той, которая уже отмечалась на некоторых «оленных камнях» (рис. 1, \hat{I} , $\hat{I}\hat{O}$). На другой грани — рогообразный изогнутый предмет, внешне напоминающий «предмет неизвестного назначения», подвешенный к поясу, который встречается на многих монгольских камнях (рис. 1, 2, 7). Пояс на минусинских стелах, как и на «оленных камнях», явно не связан с фигурой человека на лицевой стороне. На Кижи-таш на поясе показан сложный лук сигмовидной формы в налучье (рис. 1, 11). Подобная манера изображения луков, как бы «заткнутых» за пояс, встречается на «оленных камнях», в частности на Алтае (рис. 1, 3). На этой же стеле отдельно изображено ухо с подвешенной к нему серьгой — характерная черта «оленных камней», даже лишенных признаков антропоморфности. Совпадают и некоторые другие детали — изображения птиц известны на «оленных камнях» Монголии и Алтая (рис. 1, 12) ²⁸, а рисунок котла, по очертаниям близкий к изображению на стеле с р. Нени, имеется на одном «оленном камне» из Юго-Западной Тувы (рис. 1, 6) ²⁹.

 ²⁶ Н. Л. Членова. Оболенных камнях, с. 34.
 27 Г. Н. Потанин. Памятники древности, с. 53.

²⁸ А. В. А дрианов. Кархеологии Западного Алтая. — ИАК. № 62. Пг., 1916, рис. 33; Н. Сэр-Оджав. Монголые тэв, с. 2.

29 Камень открыт в ур. Саглы А. Д. Грачом.

Композиционное оформление минусинских стел в принципе однообразно. Наверху помещается крупное изображение сидящей человеческой фигуры (в одном случае, по-видимому, женской), с сосудом в двух руках, что позволило М. П. Грязнову первому отнести стелы к «ранним формам каменных баб тюркского типа» 30. Более мелкие рисунки сидящих (?) людей на боковых сторонах, по размерам и положению значительно уступающие центральной фигуре, напоминают сцену «поминок» на древне-Мунгу-Хайрхан-Ула 31. тюркском каменном изваянии из В этом же плане, очевидно, следует рассматривать и другие «дополнительные» сцены на минусинских стелах, в частности всапника с трехлопастным флагом на плинном превке (рис. 1, 11) и охоту пешего лучника с собакой на оленя, в спину которого вонзилась стрела (рис. 1, 13). Повествовательный характер этих сцен в сочетании с канонизированным образом центрального персонажа позволяет рассматривать их как отображение посвященных ему реальных культовых действий, аналогичных по значению, например, изображениям на известном кудыргинском валуне ³². Назначение ритуальных действий, которые мы видим на минусинских стелах, раскрывается благодаря изображению птицы на боковой стороне стелы с р. Нени (рис. 1, 13), которое может быть связано с представлениями древних тюрков о процессе реинкарнации душ (ср. обычную форму древнетюркских эпитафий «отлетел» в значении «умер»), получивших изобразительное воплощение в ряде памятников тюркского искусства — Асхетском рельефе, на короне Кюль-тегина или каменных изваяниях Семиречья 33. Скорее всего, здесь следует видеть иллюстрацию жертвоприношений, связанных с поминальным обрядом, или действий, обеспечивающих эти жертвоприношения. Очевидно, не случайно поэтому на стеле с р. Нени и на многих древнетюркских каменных изваяниях представлены сосуды кубковидной формы (на стеле

 ³⁰ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы, с. 148.
 ³¹ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, с. 21—22,

рис. 11.

32 Г. В. Длужневской иконографии личина, а ниже в вертикальном направлении (!) друг за другом расположены фигуры трех лошадей, выполненных еще в таштыкской манере. Передняя лошадь связана узкой протертой линией (повод?) с основной личиной. Поверх всей композиции выбито тамгообразное изображение с таубокую благодарность Г. В. Длужневской, познакомившей меня с этой интересной находкой.

трыпыну пудокую оли судерность Г. Б. Длужневской, познакомившей меня с этой интересной находкой.

33 В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. XV, 2; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья, табл. XXIII. Подробнее об этом см.: Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. — СА. 1964, № 2, с. 34—35.

с р. Нени — в сочетании с котлом). Особое культовое назначение этого вида утвари подтверждается многочисленными археологическими и этнографическими параллелями — от скифских котлов и изображений Боярской писаницы до якутских чоронов ³⁴.

Все приведенные данные говорят о том, что минусинские стелы занимают промежуточное положение между антропоморфными «оленными камнями» и древнетюркскими каменными изваяниями, сочетая отдельные признаки как тех, так и других приблизительно в равной пропорции. Обращает на себя внимание также то, что ранние признаки на них выступают уже в несколько измененном, трансформированном виде (обратная, как бы «негативная» техника и др.), а поздние, наоборот, еще повествовательны и не сложились окончательно в древнетюркский изобразительный канон.

Говоря о хронологии минусинских стел, следует, по-видимому, исключить возможность разновременного нанесения имеющихся на них рисунков. Против этого говорит в первую очередь стела с р. Нени, на которой представлена четкая, сюжетно организованная композиция. Время изготовления стел ориентировочно определяется стилистическими особенностями изображений животных и рисунками кубковидного сосуда и котла на стеле с р. Нени. Фигуры животных — оленя с вертикально поставленным рогом и слегка изогнутыми отростками, лошадей и верблюдов - по принятой в петроглифике классификации, могут быть отнесены в целом к гунно-сарматскому времени. Л. Р. Кызласов датирует всю группу изваяний, названных им таштыкскими, IV—V вв. н. э.³⁶. По новой периодизации М. П. Грязнова, подобной формы сосуды на поддоне должны относиться преимущественно к раннему (батеневскому) этапу таштыкской культуры (I—II вв. н. э.) ³⁶. Сейчас трудно сказать, какая из этих дат предпочтительнее; во всяком случае, дотюркский (или послескифский) возраст этих памятников сомнения не вызывает.

Аскызские стелы П. С. Паллас обнаружил уже лежащими на земле в непосредственной близости друг от друга, поэтому неизвестно, каким образом они устанавливались. Кроме этих памятников к той же эпохе в Минусинской котловине относятся таштыкские жертвенно-поминальные сооружения ³⁷. Они представляют собой неглубокие ямы (иногда с каменными ящичками

 $^{^{34}}$ М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница. М., 1976, с. 7—12, табл. XI—XIV.

³⁵ Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния, с. 141—144. 36 М. П. Грязнов. Миниатюры таштыкской культуры. — «АС Гос. Эрмитажа». Вып. 13. Л., 1971, с. 96—99, рис. 2.

³⁷ Э. Б. В адецкая. Поминальные камни таштыкских могильников. — КСИА. Вып. 128. 1971, с. 33—36; И. Л. Кызласов. Поминальные памятники таштыкской эпохи. — СА. 1975, № 2, с. 30—47.

внутри), расположенные рядами в направлении ЮВ—СЗ, около которых установлены стелы, нередко имеющие антропоморфные очертания (скошенный верх, «нависание», намеренное сужение верхней части и т. д.). В ямах и у основания стел с восточной стороны при раскопках встречаются кости животных, в том числе кальцинированные, отдельные мелкие предметы и керамика таштыкского облика. И. Л. Кызласов, подробно рассмотревший таштыкские поминальные сооружения, находит аналогии им, с одной стороны, в более поздних археологических памятниках (древнетюркские каменные изваяния, стоящие в одном ряду с необработанными камнями), с другой— в рядах «оленых камней» (Ушкийн-Увэр) и в так называемых «сторожевых камнях» в культуре плиточных могил Забайкалья 38. Вполне возможно, что к такому же поминальному сооружению, не отмеченному П. С. Палласом, могли относиться и аскызские стелы.

Определенное отношение к подобному ритуалу имели и внаменитые таштыкские маски, типология которых была разработана еще С. В. Киселевым ³⁹. «Образуется любопытный ряд, — писал позднее Л. Р. Кызласов, — таштыкские погребальные маски — стоящие маски — бюсты — каменные бюстовые изображения (типа малоесинского ⁴⁰) — погрудные изображения с руками и сосудом (типа Кизи-тас) — тюркские каменные изваяния в виде круглой скульптуры человека с сосудом в руках» ⁴¹. Находки последних лет показали, что изготовление масок началось еще на предшествующем (тесинском) этапе развития культур Минусинской котловины, и добавили в этот ряд новый вид объемного изображения человека — «глиняные головы», типологически занимающие промежуточное положение между масками и круглой скульптурой. Среди них по условиям нахождения для нас особый интерес представляет голова из кургана № 6 Шестаковского могильника в Кемеровской области ⁴².

 ³⁸ И. Л. Кызласов. Поминальные памятники, с. 46.
 ³⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 450.

⁴⁰ Данное изваяние с изображением головы человека в нижней части каменного блока (по этому признаку напоминающее более раннее окуневское) выделяется среди других стел таштыкского времени. Интересна на нем одна деталь: на левой щеке наклонно вырезан глубокий желобок, по мнению А. Н. Липского, «возможно, передающий след ранения, которое могло быть на лице женщины, послужившей оригиналом барельефа» (А. Н. Липский. Н. Вып. 59. 1955, с. 161, рис. 72, 73). Ту же особенность отмечает С. В. Киселев на некоторых таштыкских масках как «намеренное придание раскосости глазам с помощью прорези, нанесенной наискось на выпуклость век» (С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири, с. 456). Не есть ли это отдаленное воспоминание о наклонных параллельных линиях на «оленных камнях», иногда также нанесенных поверх человеческого лица (рис. 1, 7)?

⁴¹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, с. 160. 42 А. И. Мартынов и др. Шестаковские курганы. Кемерово. 1971, с. 165—173.

По реконструкции А. И. Мартынова, она принадлежала манекену, входившему в сложный погребальный комплекс. Посередине будущего кургана делалась площадка из обожженной глины, окруженная земляным или дерновым валом с входом с южной стороны. «Здесь же выставлялись манекены умерших с масками и портретными скульптурными головами. . . Вероятно, они были поставлены в рост или посажены, если учесть, что исследованная нами голова прочно крепилась в вертикальном положении... Сверху в центре его (кургана), а может быть и над всей площадью, возводилась крыша из бересты» ⁴³. После какого-то периода использования все сооружение сжигалось. «Глиняная голова» из Шестаковского могильника по комплексу предметов сопроводительного инвентаря датируется I в. до н. э. и предшествует, таким образом, таштыкским жертвенно-поминальным сооружениям и антропоморфным стелам с изображением людей. Эта находка, как и другие подобного рода, может считаться одним из наиболее ранних случаев сохранения облика покойного на определенный период времени для совершения поминальных обрядов и жертвоприношений.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

После длительной дискуссии о семантике древнетюркских каменных изваяний вопрос этот уверенно решился в пользу точки зрения о них как об изображениях самих покойных тюрков. а не их предполагаемых врагов. Немаловажное значение в этом сыграл анализ позы рассматриваемых фигур. Я. А. Шер первым, правда в осторожной форме, высказал предположение, что в древнетюркской скульптуре «изображены сидящие, а не стоящие люди» 44. С. Г. Кляшторный на основании новых переводов рунических текстов и специального анализа термина «bediz», обозначающего сидящую фигуру, пришел к определенному выводу о том, что «практически все древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири, Тувы и Семиречья, если даже они не изображены с подогнутыми ногами или на сиденьях (как, например, в Дариганге), показаны как сидящие — немного ниже пояса скульптура завершается и остается лишь необработанная часть камня, погружаемая в землю. На поверхности земли, таким образом, изваяние фиксировалось в позе восседающего, хотя изображение подогнутых ног, не всегда легко исполнимое технически, опускалось» 45. Мнение о древнетюркских изваяниях

⁴³ А.И.Мартынов. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника. — СА. 1974, № 4, с. 241—242.
44 Я.А.Шер. Каменные изваяния Семиречья, с. 26, примеч. 11.
45 С.Г.Кляшторный. Храм, изваяние и стела в древнеторкских

текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи). — ТС-1974. М., 1978, c. 250.

как сидящих фигурах полностью подтверждается новыми находками из Монголии, где обычные с точки зрения древнетюркской иконографии скульптуры, изображающие человека с сосудом

в одной руке и оружием в другой. имеют ниже пояса подогнутые «калачиком» ноги (рис. 2). Нет никакого сомнения, что так могли изображать только знатных умерших тюрков, символически участвующих в сложном ритуальном комплексе поминальных обрядов и жертвоприношений. В этой связи представляется вполне вероятным объяснение С. Г. Кляшторным рядов камней-балбалов как «погребальных даров» главным восседающим фигурам со стороны участников поминальной церемонии ⁴⁶.

Известно, что большая часть древнетюркских изваяний устаc восточной стороны прямоугольных оградок, и обращены они лицом на восток, так же как и отходящие от них ряды вертикально вкопанных камнейбалбалов. Часто встречаются сложные комплексы, состоящие из двух и более смежных оградок, расположенных в направлении С-Ю. Ритуальное назначение этих памятников сейчас ни у кого из исследователей сомнения не вызывает и подтверждается материалами археологических раскопок 47. В настоящее время каменные изваяния находятся только у некоторых из них, но ясно, что в прошлом изображения фи-

Рис. 2. Древнетюркское сидящее каменное изваяние из Монголии (по И. Эрдели)

16*

гуры человека сопровождало каждую оградку. Впоследствии они могли быть разбиты, перенесены с первоначальных мест, уничто-

⁴⁶ Там же, с. 252—253.

⁴⁷ В. Д. К у б а р е в. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе. — Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 86—98; о и ж е. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая. — Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 135—160.

жены временем. Очевидно, часть их была сделана из дерева, как это имело место позднее в половецкой скульптуре ⁴⁸, или других органических материалов, иногда и в виде манекенов. Иногда смежные оградки с изваяниями дополнительно окружались валом и рвом ⁴⁹. Очень редко встречаются и изваяния, помещенные внутри оградок ⁵⁰ или выкладок ⁵¹.

Поминальные сооружения наиболее почитаемых лип представляли собой настоящие храмовые постройки с большим количеством каменных изваяний, ящиками-саркофагами и сопроводительными фигурами животных. К бесспорно ранним памятникам такого рода относится Унгетский комплекс на р. Толе в Монголии. Здесь, на ограниченной валом и рвом глиняной площадке размером 20×40 м, вытянутой в направлении С3-ЮВ, находился ящик-саркофаг с ромбическими узорами на стенках, вокруг которого были «расчищены основания 14 столбов, служивших каркасом для легкой постройки», и зафиксировано 30 антропоморфных изваяний, целых или в обломках. К юговостоку от основного сооружения тянулся ряд камней-балбалов протяженностью 2,2 км. Авторы раскопок отмечают своеобразие унгетских изваяний: «Изображения лиц высекались в верхней части каменных столбов на широких или узких плоскостях. Голова сильно вытянута кверху. Глаза и нос очерчены одной углубленной линией, усов нет; отсутствуют также наборные пояса, чаши, оружие и другие аксессуары, обычно изображаемые на тюркских и половецких изваяниях» 52. Возможно, в иконографии этих изваяний могли сказаться и определенные черты, присущие «оленным камням», хотя до полной публикации материалов об этом можно только догадываться.

К поминальным сооружениям знати относится комплекс в Сарыг-Булуне (Тува), который представлял собой насыпь из песка, окруженную валом и рвом. «На восточной стороне насыпи и во рву располагались высеченные из серого гранита фигуры двух людей, сидящих на поджатых вперед коленками ногах, а также два небольших изображения львов». С западной стороны насыпи находилась площадка для жертвоприношений, на которой была установлена восьмиугольная юрта (типа аила), покрытая

⁴⁸ С. А. Плетнева. Половецкие каменные изваяния. — САИ. Вып. Е 4—2. М., 1974, с. 29.

⁴⁹ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, с. 22—23, рис. 12—15; С. С. Сорокин. Материалы к археологии Горного Алтая. — УЗ ГАНИИЯЛИ. Вып. 8. Барнаул. 1969. с. 77—79. рис. 7—8.

ГАНИИЯЛИ. Вып. 8. Барнаул. 1969, с. 77—79, рис. 7—8.

⁵⁰ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии. Т. 2, табл. LXX, 3.

⁵¹ Изваяние, стоящее внутри округлой выкладки у каменно-земляного кургана, было обнаружено нами на р. Юстыд в Горном Алтае (см.: Д. Г. С ав и нов. Археологические памятники в районе хребта Чихачева. — АО-1971. М., 1972, с. 286).

⁵² В. Е. В ой тов и др. Археологические исследования в Монголии. — AO-1976. М., 1977, с. 587—588.

сверху лиственничной корой. После какого-то периода использования, как и в Шестаковском могильнике, все сооружение было сожжено ⁵³. Классическим примером аналогичного по значению памятника периода Второго каганата является знаменитый комплекс Кюль-тегина.

Традиции древнетюркского поминального ритуала долго сохранялись и в последующее время. Вероятно, один из самых поздних памятников подобного рода был обследован Г. Н. Потаниным на оз. Даин-Гол в Монголии. Он представляет собой «четырехугольный сруб с двускатной крышей, внутри которого находится изваянный из гранита бюст», по стилистическим особенностям близко напоминающий древнетюркские каменные изваяния. Это изваяние было окружено «досками в виде ящика», а перед ним была протянута веревка с подвешенными к ней остатками различных жертвоприношен ий ⁵⁴.

* * *

Рассмотренные памятники относятся к разному и, естественно, по внешнему оформлению могут отличаться друг от друга. Однако по своему внутреннему содержанию они одинаково отражают одну и ту же идею — необходимость сохранения облика умершего для совершения определенного цикла поминальных обрядов и жертвоприношений в период между смертью и захоронением ⁵⁵. Идея эта имеет южное происхождение и в прошлом была широко распространена у многих народов Восточной и Центральной Азии ⁵⁶. В наиболее полном виде она проявилась в древнетибетском погребальном обряде, где период между смертью и погребением достигал трех и более лет. В течение этого времени производилась неоднократная мумификация трупа, делались жертвоприношения лошадей, иногда прибегали и к живым «заместителям умершего», к которым обращались во время поминок, и т. д. ⁵⁷. Тот же обычай у древних тюрков зафиксирован в письменных источниках: «Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или оцадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают раз-

 $^{^{53}}$ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 33, рис. 5-7.

⁵⁴ Г. Н. Потанин. Путеществие по Монголии. М., 1948, с. 49, прис. на с. 51.

⁵⁵ Относительно древнетюркского времени подробно об этом писал Л. Р. Кызласов (см.: Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских иззаяний, с. 27—39).

⁵⁶ Основную литературу по этому вопросу см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926, с. 46—47.

⁵² H. H of f m a n. Die Gräber der tibetischen Könige im Distrikt P'ynosrguas. — NAW. 1. 1950, c. 1—14.

вертываться» ⁵⁸. То же говорится и о енисейских кыргызах: «Сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм» ⁵⁹. Многочисленные этнографические параллели обычаю сохранения облика умершего у современных народов Южной Сибири и Средней Азии приводятся в работах Л. Р. Кызласова 60, Б. П. Шишло 61 и других исследователей.

Можно предполагать, что такая общность представлений восходит к мировоззрению племен скифского времени, когда сооружались «оленные камни» и закладывались основы культурного и социального единства скотоводческих обществ Азии. Важным индикатором в этом отношении служит обычай установки у погребальных или поминальных сооружений вертикально вкопанных камней. Они сопровождали большие и малые Пазырыкские курганы на Горном Алтае (V—III вв. до н. э.) 62, погребения шурмакской культуры в Туве (II в. до н. э. — V в. н. э.) 63 и плиточные могилы Забайкалья, в связи с чем Ю. С. Гришин писал, что «уже в этот период начинает распространяться обычай подчеркивания военных заслуг отдельных личностей, выражающийся, например, так же как в VII—IX вв. н. э. у тюрков Южной Сибири и Монголии, в постановке у могильных памятников цепочки камней. . .» 64. Такая преемственность специфической детали погребального обряда, несомненно, свидетельствует о непрерывной традиции представлений, существовавших у населения Саяно-Алтая весьма длительное время, и объясняется сходством социально-экономических отношений на разных ступенях развития скотоводческого комплекса. В порядке установки антропоморфных изваяний у народов Центральной Азии и Южной Сибири в разное время прослеживается настолько много общего, вряд ли это сходство можно считать случайным. Специальные площадки (иногда глинобитные) и вымостки, на которых устанавливались «оленные камни», таштыкские манекены и тюркские сидящие изваяния; расположенные рядами жертвенные с ящичками внутри в таштыкское время и смежные тюркские

 ⁵⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 230.
 59 Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири,

Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, c. 60.

⁶⁰ Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских изваяний, с. 38— 39.

⁶¹ Б. П. Ш и ш л о. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели. — Домусульманские верования и обряды в Средней Азин. М., 1975, с. 248—

⁶² Д. Г. Савинов. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая. — КСИА. Вып. 154. М., 1978, с. 49-50.

⁶³ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. — «Вестник МГУ». 1958, № 4, с. 95.
64 Ю. С. Гришин. Бронзовый и ранний железный век Восточного

Забайкалья. М., 1975, с. 102.

оградки, которые также можно рассматривать как вариант каменных ящиков; наземные сооружения над поминальными центрами наиболее почитаемых лиц, валы и рвы вокруг них; изображения сидящих фигур, обращенных лицом к востоку, и жертвоприношения им с восточной стороны, которые производились в ямках перед таштыкскими стелами или представляли собой ряды камней-балбалов в тюркское время, — все это говорит о единых принципах оформления памятников. В разное время и в разной этнической среде они могли реализоваться по-разному и в различных материалах, но при сохранении основных семантических компонентов обязательного ритуала. Наиболее сложными в этом отношении представляются памятники таштыкского времени, где близкие представления в процессе аккультурации могли вылиться в разные атрибутивные формы — погребальные маски, «глиняные головы», поминальные камни и антропоморфные стелы с изображениями людей. Позднее, в культуре енисейских кыргызов изготовление антропоморфной скульптуры не получило дальнейшего развития. Возможно, ее заменили здесь вертикально стоящие камни чаа-тасов, установка которых была связана еще с тагарской традицией. Однако в системе их расположения уже совершенно теряется четкость планировки, обусловленная конструктивными особенностями погребальных сооружений. Окончательное оформление ритуала, связанного с сохранением облика умершего на период поминальной перемонии, происходит в древнетюркской среде. Устанавливается устойчивая ориентировка жертвенных сооружений в направлении С-Ю, скорее всего отражающая господствующее положение востока в идеологии тюркских народов. Унифицируется форма оградок и расположения рядов камней-балбалов. Вырабатываются определенные нормы при изображении представителей различных слоев населения древнетюркского общества. Под влиянием соседних цивилизаций Востока и Средней Азии появляются своеобразные художественные приемы в различных регионах тюркского мира. Складывается древнетюркский изобразительный канон.

Таким образом, антропоморфные изваяния Центральной Азии и Южной Сибири свидетельствуют о достаточно тесных связях между непосредственными предками древних тюрков и енисейских кыргызов в ранний период их существования в Центральной Азии, которые и определили дальнейшее развитие той и другой культурной модели в одинаковых или типологически близких формах. Имеются основания предполагать, что связи эти носили не только культурный, но и этнически родственный характер. Так, в одной из генеалогических легенд о происхождении правящей династии древних тюрков говорится, что сын легендарного «сына волчицы» Ичжинишиду Нодулу-шад явился основателем тюркской династии, а его брат «царствовал между реками Афу

и Гяпь, под наименованием Цигу» 65. Подробно интерпретировавший эти предания С. Г. Кляшторный отметил «имеющуюся в них реалистическую основу, историографическая ценность которой в настоящее время кажется несомненной» 66. В данном случае это тем более вероятно, что точно указано расположение Цигу — между реками Афу и Гянь, т. е. Абаканом и Еписеем (Минусинская котловина). Само название Цигу С. Е. Яхонтов считает одним из ранних (VI—VII вв. н. э.) фонетических вариантов этнонима «кыргыз» ⁶⁷. Судя по этой легенде, правящие дома в государстве древних тюрков и енисейских кыргызов были связаны кровным родством и, возможно, имели общий южный центр происхождения. После 460 г. сын Нодулу-шада Ашина (Асяньшад) переселяется на Алтай (в широком, историко-географическом значении термина), где его внук (возможно, по одной из боковых линий) Бумынь в 552 г. основывает Первый тюркский каганат. Если пользоваться принятым подсчетом поколений (в данном случае — четыре), то «владение Цигу» появилось покрайней мере на сто лет раньше образования Первого каганата. Однако, учитывая существующие перерывы в самой генеалогической традиции 68, можно предположить, что его образование относится к более раннему времени, т. е. скорее всего было синхронно начальным этапам сложения таштыкской культуры. давшей начало культуре енисейских кыргызов.

Из всего сказанного можно сделать несколько существенных выводов: 1) основы тюрко-кыргызского культурного комплекса могли быть заложены еще в первой половине І тысячелетия н. э. как следствие их общего южного происхождения; 2) иррациональные представления, связанные с поминальным культом и воплотившиеся в различных видах антропоморфных изваяний, начали распространяться в Южной Сибири, в частности в Минусинской котловине, на рубеже нашей эры. В таштыкское время некоторые из них еще сохраняли черты южного, центральноазиатского происхождения (аскызские стелы); 3) с исторической точки зрения представляется оправданным соотнесение понятий «таштыкская культура» и «владение Цигу», иначе говоря, ранний этап истории енисейских кыргызов, создавших свое первое объединение под наименованием «Цигу», по-видимому, представлен памятниками таштыкской археологической культуры, но это уже тема самостоятельного исследования.

цию по этому вопросу.

 ⁶⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 222.
 66 С. Г. Кляшторный. Проблемы ранней истории племени турк

⁽Ашина). — Новое в советской археологии. М., 1965, с. 278. ⁶⁷ С. Е. Яхонтов. Древнейшие упоминания названия «кыргыз». — СЭ. 1970, № 2, с. 110—114.

⁶⁸ Приношу глубокую благодарность С. Г. Кляшторному за консульта-